

шаги к просвещению, сияющие заблуждения, огромные преобразования!» (I, 358), и представить, что сулит будущее. При этом он снова вернулся к мысли о Европе как о системе государств: «Государства европейские, связанные между собой превосходством учреждений, искусств, просвещения, взаимным страхом, пользами купечества, равновесием политики, одинаковыми нравами, приучаются считать себя большими отделениями одного политического сообщества. Но улование общего мира, общего благополучия — сии добродушные сновидения аббата Сен-Пьера, вероятно, никогда не сбудутся. Уже ступились тучи... Но провидение, устрояющее все во благо, не позволяет гаданиям нашим предупреждать неисповедимых определений своих. Пристрастие к тому веку, в котором существуем, представляет нам лестное искушение подумать, что он привлечет на себя любопытство последующих. Воспользовавшись успехами в просвещении веков семнадцатого, шестнадцатого, пятнадцатого, конечно, нам осьмнадцатый должен был представить любопытнейшую картину, которую, может быть, превзойдет последующий: дай бог, чтоб сии успехи соединены были с истинными пользами человечества и добродетелей!» (I, 359—360). Раздумья Муравьева вызваны «Проектом вечного мира» (1716) Шарля Ирины де Сен-Пьера (1658—1743), который был широко известен в кратком и очень вольном изложении Руссо (1761), а также благодаря «Суждению о вечном мире», которое под влиянием Сен-Пьера написал сам Руссо (около 1756 г., издано в 1782 г.).

Так связывались в раздумьях Муравьева прошлое, настоящее и будущее.

Подводя итоги, следует сказать, что исторические работы Муравьева неопровержимо свидетельствуют, каким широким был фронт формирования новых идей в понимании истории. Именно этим они и интересны. Муравьев не был и не считал себя профессиональным историком, но, как выясняется, процесс выработки новых представлений об историческом прошлом и новых методов постижения истории захватывал отнюдь не одних только историков и философов. Решая достаточно локальную педагогическую задачу, Муравьев не только усвоил лучшее из достигнутого европейской научной мыслью, но и в какой-то степени самостоятельно сформулировал целый ряд выводов, которые в те годы еще только осваивались европейской философией. Именно поэтому рассмотрение его работ расширяет и уточняет наши представления об особенностях и закономерностях формирования в России системы взглядов, именуемой историзмом.